
СБОРНИКЪ
ЛУЧШИХЪ
БАСЕНЪ

64

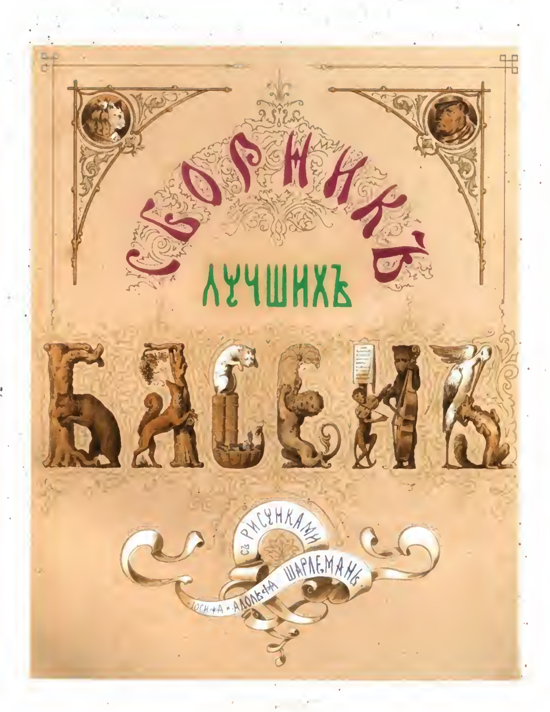

N. 363.

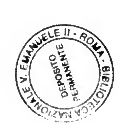
СБОРНИКЪ

ЛУЧШИХЪ БАСЕНЬ

ВЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА

BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II - ROMA -
DEPOSITO PERMANENTE

СБОРНИКЪ

ЛУЧШИХЪ БАСЕНЬ

КРЫЛОВА, ХЕМНИЦЕРА, ДМИТРІЕВА

и

ИЗМАЙЛОВА.

Съ 14 хромолитографированными картинами по рисункамъ А. Шарлемания.

УЧЕБНИКЪ

для дѣтей младшаго возраста.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА,
въ гостиномъ дворѣ № 18, 19 и 20.
1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Мая 1864 г.

въ типографіи В. А. Рогальскаго и К°.

I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ПОЛЬЗА БАСНИ.

Однажды — кто бъ повѣрить могъ?
Къ царю, въ его чертогъ,
Вошла вдругъ Истина нагая.
Царь въ гнѣвѣ закричалъ: „Безстыдница какая!
Какъ смѣла ты войти, и кто ты такова?“
— „Я Истина.“ — „Зачѣмъ?“ — „Сказать лишь слова два:
Льстецы престолъ твой окружаютъ;
Народъ вельможи угнѣтаютъ;
Ты нарушаешь самъ нерѣдко свой законъ…“ —
„Вонъ дерзкая! вонъ! вонъ!
Гей! стражи! гей! войдите,
Возьмите, отведите
Ее въ смирительный, иль въ сумасшедшій домъ.“
Хорошъ былъ Истинѣ пріемъ!
Вздохнула бѣдная и вмигъ изъ глазъ пропала.
Охота послѣ ей припала
Идти опять къ Царю. Подумала, пошла,
Но ужъ не голая, какъ прежде:
Въ блестящей, дорогой одеждѣ,
Которую на часъ у Вымысла взяла.
Смягчивши грубый тонъ, къ Царю она съ почтеньемъ
Приблизилась и съ нимъ вступила въ разговоръ.
Царь выслушалъ ее съ великимъ снисхожденьемъ;
Перемѣнился скоро Дворъ;
Временщики упали:
Пришелъ на знатныхъ черный годъ;
Вельможи новые не спали;
Царь славу пріобрѣлъ, и счастливъ сталъ народъ.

Измайловъ.

II.

МУХА и ДОРОЖНЫЕ.

В Іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ-гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.
Кони измучились, и кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слѣзаетъ съ козелъ онъ,
И, лошадей мучитель,
Съ лакеемъ въ два кнута тиранитъ съ двухъ сторонъ:
А легче нѣтъ. Ползутъ изъ колымаги вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель.
Но, знать, рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади, хотя его тронули,
Но въ-гору по песку едва-едва тянули.
Случись тутъ Мухѣ быть. Какъ горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суетится,
То надъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной,
То вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится,
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперегъ шныряетъ межъ людей;
Ну, словно откупщикъ на ярмаркѣ хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ, никто
Никакъ помочь не хочетъ.

Гуторя слуги вздоръ, плетутся вслѣдъ шажкомъ;
Учитель съ барыней шушукаютъ тишкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ,
Ушелъ съ служанкой въ боръ искать грибовъ на ужинъ;
И Муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она
О всемъ заботится одна.
Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ за шагъ, по немногу,
Втащилися на ровную дорогу.
„Ну," Муха говоритъ: „теперя слава Богу!
Садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ путь;
А мнѣ ужъ дайте отдохнуть:
Меня на-силу крылья носятъ."

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя приплесть,
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

Крыловъ.

III.

ХИТРЕЦЪ.

Когда-то въ Лондонѣ хитрецъ одинъ сыскался,
Который публикѣ въ листочкахъ обѣщался,
Что въ узенькій кувшинъ, онъ весь, каковъ онъ есть,
С руками
И съ ногами
Въ такой-то день намѣренъ влѣзть.
При чемъ кувшину онъ рисунокъ прилагаетъ;
Почтенныхъ зрителей покорно приглашаетъ
За входъ по стольку-то платить;
Начало ровно въ шесть часовъ имѣетъ быть.
Пошли по городу листы. — „Ба! что такое?
„Въ кувшинъ залѣзть? Что онъ, съ ума сошелъ!
„Пустое!
„Гдѣ это слыхано? Да и дуракъ пойметъ,
„Что способу тутъ нѣтъ,
„Хоть какъ ни сталъ бы онъ ломаться.
„Однако, чтобы посмѣяться,
„Пойдемъ и поглядимъ, что это за чудакъ?"
Ужъ съ чернью въ запуски кареты поскакали;
И ѣдучи купецъ съ милордомъ доказали,
Что нѣтъ физической возможности никакъ
Ему въ кувшинѣ умѣститься.
„Положимъ," говоритъ
Купеческа жена, „что это онъ смудритъ,
„И какъ нибудь въ кувшинъ втѣснится;
„Да вотъ что мудрено: какъ въ шейку-то пролѣзть!
„Однако же пора: ужъ безъ четверти шесть.

ХИТРЕЦЪ

Ужъ съ чернью въ запуски кареты поскакали

…акихъ, подумаешь, обмановъ
не бываетъ!
Хоть тѣмъ, другой другимъ
обманщикъ промышляетъ.
Бас Хемницера

Подзорища собраніе
Почти безъ памяти на тотъ кувшинъ глядитъ
Который хитреца великаго вмѣститъ

Ад. І. Шарлеманъ

„Эй, кучеръ, погоняй!“ — Полгорода собравшись,
Почти безъ памяти на тотъ кувшинъ глядитъ,
Который хитреца великаго вмѣститъ.
— „Что жъ, скоро ли?“ одинъ другому говоритъ:
„Пора бы ужъ начать.“ — Кто палкою стучитъ;
Кто топаетъ ногой. Но долго дожидавшись,
Узнали, что хитрецъ и съ деньгами пропалъ.

Какихъ, подумаешь, обмановъ не бываетъ!
Тотъ тѣмъ, другой другимъ обманщикъ промышляетъ.
Вотъ я у насъ такого зналъ,
Который о себѣ въ народѣ насказалъ,
Что можетъ видѣться съ духами,
Всѣмъ ихъ показывать, и съ ними говорить;
Болѣзни всѣ лечить
Одними порошками.
И собирались тожъ къ нему смотрѣть духовъ,
И порошки его въ болѣзняхъ принимали:
Однако же духовъ, какъ слышно, не видали;
А отъ чудесныхъ порошковъ
Скорѣе нежели отъ прочихъ умирали.

Хемницеръ.

IV.

ЦАРЬ и ДВА ПАСТУХА.

Какой-то Государь, прогуливаясь въ полѣ,
Раздумался о царской долѣ.
„Нѣтъ хуже нашего, онъ мыслилъ, ремесла:
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое!
Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля; чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ;
А принужденъ вести войну,
Чтобъ защищать мою страну.
Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
Хочу знать правду, всѣ мнѣ лгутъ;
Бояра лишь чины берутъ.
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь, никакъ не успѣваю;
Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ничѣмъ!“
Чувствительный Монархъ подходитъ между тѣмъ
Къ пасущейся скотинѣ;
И что же видитъ онъ? разсыпанныхъ въ долинѣ
Барановъ, тощихъ до костей,
Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей!
Всѣ въ страхѣ бѣгаютъ, кружатся,
А псамъ и нужды нѣтъ: они подъ тѣнь ложатся;
Лишь бѣдный мечется пастухъ:
То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится духъ,
То бросится къ овцѣ, которая отстала,
То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ,
А между тѣмъ ужъ волкъ барана въ лѣсъ тащитъ;

Царь·и·два·Пастуха·
Вотъ точный образъ мой, сказалъ самовластитель
И такъ, и смирненькихъ животныхъ охранитель
Такими жъ какъ и мы, напастьми окруженъ,
И онъ, какъ Царь, порабощенъ!
„Возможно ль? онъ вскричалъ. здѣсь множество волковъ,
А ты одинъ . умѣлъ сберечь большое стадо!“—
„Царь! отвѣчалъ пастухъ, тутъ хитрости не надо:
Я выбралъ добрыхъ псовъ.“
Бас ДМИТРІЕВА

Онъ къ ней, а здѣсь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный пастухъ рветъ волосы, реветъ,
Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
„Вотъ точный образъ мой, сказалъ самовластитель:
И такъ, и смирненькихъ животныхъ охранитель
Такими жъ, какъ и мы, напастьми окруженъ,
И онъ, какъ Царь, порабощенъ!
Я чувствую теперь какую-то отраду."
Такъ думая, впередъ онъ путь свой продолжалъ:
Куда? и самъ не зналъ:
И наконецъ пришелъ къ прекраснѣйшему стаду.
Какую разницу Монархъ увидѣлъ тутъ!
Баранамъ счета нѣтъ, отъ жира чуть идутъ:
Шерсть на овцахъ какъ шелкъ и тяжестью ихъ клонитъ;
Ягнятки, кто кого скорѣе перегонитъ,
Толпятся къ маткинымъ питательнымъ сосцамъ;
А пастушекъ въ свирѣль подъ липою играетъ,
И милую свою пастушку воспѣваетъ.
„Не сдобровать, овечки, вамъ!
Царь мыслитъ: волкъ любви не чувствуетъ закона,
И пастуху свирѣль худая оборона."
А волкъ и подлинно, откуда ни возьмись.
Во всю несется рысь;
Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились, и волка задавили,
Потомъ одинъ изъ нихъ ягненочка догналъ,
Который далеко отъ страха забѣжалъ,
И тотчасъ въ кучку всѣхъ попрежнему собралъ;
Пастухъ же все поетъ, не шевелясь ни мало.
Тогда уже въ Царѣ терпѣнія не стало:
„Возможно ль? онъ вскричалъ, здѣсь множество волковъ,
А ты одинъ.... умѣлъ сберечь большое стадо!" —
— „Царь! отвѣчалъ пастухъ, тутъ хитрости не надо:
Я выбралъ *добрыхъ* псовъ."

Дмитріевъ.

V.

ЗЕЛЕНЫЙ ОСЕЛЪ.

Какой-то съ умысла дуракъ,
Взявъ одного осла, его раскрасилъ такъ,
Что весь зеленый сталъ, а ноги голубыя.
Повелъ осла казать по улицамъ дуракъ.
И старики и молодые,
И малый и большой,
Гдѣ ни взялись, кричатъ: „Ахти! оселъ какой:
Самъ зеленъ весь какъ чижъ, а ноги голубыя!
О чемъ слыхомъ доселѣ не слыхать.
Нѣтъ (городъ весь кричитъ), нѣтъ, чудеса такія
Достойно вѣчности предать,
Чтобъ даже внуки наши знали,
Какія рѣдкости въ нашъ славный вѣкъ бывали."
По улицамъ смотрѣть зеленаго осла
Кипитъ народу безъ числа:
А по домамъ окошки откупаютъ,
На кровли вылѣзаютъ,
Лѣса, подмостки подставляютъ.
Всѣмъ видѣть хочется осла, когда пойдетъ;
А всѣмъ идти съ осломъ дороги столько нѣтъ —
И давка вкругъ осла сказать нельзя какая:
Другъ друга всякъ толкаетъ, жметъ,
Съ боковъ и спереди и сзади забѣгая.
Что жъ? — два дни первые гонялся за осломъ
Безъ памяти народъ, въ каретахъ и пѣшкомъ.
Больные про болѣзнь свою позабывали,
Когда зеленаго осла имъ вспоминали;

И няньки съ мамками, ребятъ чтобъ укачать,
Кота ужъ полно припѣвать:
Осла зеленаго ребятамъ припѣвали.
На третій день осла по улицамъ ведутъ:
Смотрѣть осла уже и съ мѣста не встаютъ,
И сколько всѣ объ немъ сперва ни говорили,
Теперь совсѣмъ объ немъ забыли.

Какую глупость ни затѣй,
Поколь еще нова, чернь безъ ума отъ ней.
Напрасно сталъ бы кто стараться
Глупцовъ на разумъ наводить:
Ему же будутъ насмѣхаться.
А лучше времени глупцовъ препоручить,
Чтобы на путь прямой попали;
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умѣетъ ихъ учить.

Хемницера.

VI.

ПРОХОЖІЕ и СОБАКИ.

Шли два пріятеля вечернею порой.
И дѣльный разговоръ вели между собой.
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняшка тявкнула на нихъ;
За ней другая. тамъ еще двѣ-три. и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ Собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ было, уже Прохожій камень взялъ:
— „И, полно. братецъ!“ тутъ другой ему сказалъ:
„Собакъ ты не уймешь отъ лаю.
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю.“
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали по малу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.

Завистники, на что ни взглянутъ.
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ, да отстанутъ.

Крыловъ

VII.

ВОЛКЪ и ЖУРАВЛЬ.

Волкъ костью какъ-то подавился,
Не мудрено: всегда ѣсть торопился;
Кость стала въ горлѣ у него.
Прожора захрипѣлъ, стѣснилось въ немъ дыханье,
Ну, словомъ, смерть пришла его,
И онъ хотѣлъ въ грѣхахъ принесть ужъ покаянье.
По счастію, журавль тутъ мимо проходилъ.
Страдалецъ передъ нимъ пасть жалобно разинулъ;
Журавль въ нее свой носъ предлинный опустилъ
И кость удачно вынулъ.
Волкъ прыгнулъ съ радости, избавясь отъ бѣды.
— „А что жъ мнѣ за труды?“
Спросилъ носатый врачъ. — „Ахъ ты, неблагодарный!“
Волкъ съ сердцемъ отвѣчалъ: „да какъ просить ты смѣлъ?
Смотри какой нахальный!
Благодари за то, что носъ остался цѣлъ.“

Измайловъ.

VIII.

СВИНЬЯ.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась;
Вокругъ конюшень тамъ и кухонь наслоиялась;
Въ сору, въ навозѣ изваляласъ;
Въ помояхъ по уши досыта накупалась:
И изъ гостей домой
Пришла свинья — свиньей.
„Ну чтожъ, Хавронья, тамъ ты видѣла такого?“
Свинью спросилъ пастухъ:
„Вѣдь идетъ слухъ.
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ, такъ одно богатѣе другаго?“
Хавронья хрюкаетъ: — „Ну, право, порютъ вздоръ.
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ, да соръ;
А, кажется, ужъ, не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ.“

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!
Но какъ же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть!

Крыловъ.

IX.

ПЕРЕПЕЛКА и КРЕСТЬЯНИНЪ.

Прилежность и труды въ дѣлахъ употребя,
Къ успѣху лучшая надежда на себя.
Всѣ знаютъ,
Что перепелки гнѣзда вьютъ
Задолго передъ тѣмъ, когда поля цвѣтутъ,
А не тогда, какъ хлѣбы поспѣваютъ.
Одна оплошнѣе подругъ своихъ была,
Работою отстала;
Гнѣзда во время не свила,
А начала ужъ вить когда пора прошла.
И въ полѣ жатва поспѣвала.
Однако молодыхъ
Кое-какъ вывела своихъ;
Да только выучить летать ихъ не успѣла,
И дѣтямъ говоритъ:
„Охъ, дѣти! эта рожь бѣдою намъ грозитъ:
Къ несчастью нашему созрѣла.
Однако слушайте: я стану отлетать
Вамъ корму промышлять;
А вы смотрите
Хозяинъ какъ придетъ,
И рѣчь о чемъ ни заведетъ,
Все до послѣдняго мнѣ слова разскажите.“
Пришелъ хозяинъ между тѣмъ

Какъ перепелка отлетѣла,
— „Да рожь-то," говоритъ, „совсѣмъ
„Поспѣла,
Пойти-было друзьямъ, пріятелямъ сказать,
Чтобъ завтра помогли мнѣ эту рожь пожать."
И тутъ, помилуй Богъ! какая
Тревога сдѣлалась между перепелятъ!
— „Ахъ, матушка! ахти!" кричатъ,
„Друзей, пріятелей сбирая,
Рожь хочетъ завтра вдругъ пожать."
— „И! — (говоритъ имъ мать)
Пустое, нечего бояться.
Мы можемъ здѣсь еще покойно оставаться.
Вотъ вамъ, поѣшьте между тѣмъ,
И спите эту ночь, не думавъ ни о чемъ,
Да завтра только вы смотрите,
Что ни услышите, мнѣ все перескажите."
Пришелъ хозяинъ. Ждать пождать: нѣтъ никого!
— „Вотъ, говоритъ, до одного
Прійти всѣ обѣщали,
А не бывали!
Надѣйся! Ну пойти опять
Теперь родню позвать,
Чтобъ завтра эту рожь пожать." —
Тревога межъ перепелятъ
И пуще прежняго! — „Роднѣ своей," кричатъ,
„Роднѣ, онъ говоритъ, сбираться!"
— „Пустое," говоритъ имъ мать, „родни бояться;
Иного бъ не было чего."
Пришелъ хозяинъ, такъ какъ приходилъ и прежде;
И видитъ, что родни нѣтъ также никого.
— „Въ напрасной," онъ сказалъ, „я былъ на нихъ надеждѣ;
Впредь вѣрить ни роднѣ не стану, ни друзьямъ.
Для своего добра никто таковъ, какъ самъ.
Знать, завтра по утру семьею приниматься

Хлѣбъ этотъ помаленьку жать.—
„Ну, дѣти!“ говоритъ, услыша это, мать:
„Теперь ужъ нечего намъ больше дожидаться.“—
Тутъ кто пошкомъ,
Кто кувыркомъ,
Ну поскорѣе убираться.

Хемницеръ

X.

ПОЕДИНОКЪ.

Осла нечаянно толкнулъ Лошакъ.
— „Смотри же ты, дуракъ!"
Оселъ мой закричалъ, „какъ смѣешь ты толкаться?"
— „Ахъ скотъ! какъ смѣешь ты ругаться?
Я живъ быть не хочу,
Когда тебя не проучу:
Раздѣлайся со мной." — „Изволь... на чемъ угодно?"
— „Ну на копытахъ!" — „О, охотно!"
— „Мой секундантъ Баранъ." — „А у меня Козелъ."
Вотъ черезъ часъ, не болѣ,
Съ Козломъ Оселъ,
Съ Барапомъ же Лошакъ, явились въ чистомъ полѣ.
У обоихъ блистаетъ гнѣвъ въ глазахъ;
Дрожатъ отъ ярости, другъ къ дружкѣ задомъ стали
И очень близко: въ двухъ шагахъ.
Ужъ кинутъ жребій — знакъ секунданты дали:
Сперва Лошакъ лягнулъ, Оселъ лягнулъ потомъ.
Откуда ни возьмись хозяинъ тутъ съ кнутомъ,
Нѣтъ, съ плетью, виноватъ. Не говоря ни слова,
Давай стегать того онъ и другова;
По-очереди имъ всю спину изстегалъ.
— „Проклятые!" изъ силъ онъ выбившись, вскричалъ:
„Да что вамъ вздумалось лягаться?"
Сквозь слезъ Оселъ на это говоритъ:
„Когда point d'honneur велитъ,
Не радъ, а долженъ драться.

Самъ посуди, онъ сталъ толкаться...“
— „А онъ такъ сталъ ругаться...“
„А если станете вы у меня лягаться“
Хозяинъ подхватилъ:
„Хоть и не радъ, за плеть я долженъ буду взяться,
Смотрите же!“ Тутъ онъ имъ плетью погрозилъ.
При взглядѣ на него, герои онѣмѣли;
Жестъ болѣе подѣйствовалъ, чѣмъ рѣчь,
И послѣ не было уже у нихъ дуэли.

Что, если бы велѣли
Мальчишекъ розгами за поединки сѣчь!...

Измайловъ.

XI.

ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

У Льва родился сынъ. Въ столицѣ, въ городахъ,
Во всѣхъ его странахъ,
Потѣшные огни, веселья, жертвы, оды.
Мохнатые пѣвцы всѣ въ запуски кричатъ:
„Скачи земля! взыграйте воды!
У Льва родился сынъ!“ И въ правду, кто не радъ?
Межъ тѣмъ, когда всякъ звѣрь восторгомъ упивался,
Царь-Левъ, какъ умный звѣрь, заботамъ предавался,
Кому бы на руки дитя свое отдать:
Наставникъ долженъ быть уменъ, ученъ, незлобенъ.
Ктобъ изъ звѣрей къ тому былъ болѣе способенъ?
Не шутка скоро отгадать.
Царь, въ нерѣшимости, велѣлъ совѣтъ собрать;
Въ благоволеніи своемъ его увѣря,
Препоручилъ избрать ему,
По чистой совѣсти, по долгу своему,
Для сына въ Менторы достойнѣйшаго звѣря.
Всталъ Тигръ, и говоритъ:
— „Война, война Царей великими творитъ:
Твой сынъ, о, Государь, быть долженъ страхомъ свѣта;
И такъ, образовать его младыя лѣта
Лишь тотъ способенъ изъ звѣрей,
Который всѣхъ по Львѣ ужаснѣй и страшнѣй.“ —
— „И осторожнѣе,“ Медвѣдь къ тому прибавилъ:
„Чтобъ онъ младаго Льва наставилъ
Умѣть и храбростью своею управлять.“ —

Противу мнѣнія двухъ, Лисѣ идти не можно;
Однакожъ, такъ и сякъ начавъ она вилять,
Замѣтила, что дядькѣ должно
Знать и политику, быть хитраго ума.
Короче: какова сама.
За нею тотъ и тотъ свой голосъ подавали,
И всѣ они, хотя себя не называли,
Но ясно намекали,
Что въ дядьки лучше ихъ ужъ не кого избрать:
Совѣты и вездѣ почти на эту стать.
— „Позволено-ль и мнѣ сказать четыре слова?“
Собака, наконецъ, свой голосъ подала:
„Политики, войны нѣтъ слѣдствія другова,
Какъ много шума, много зла.
Но славенъ добрый Царь коварствомъ ли и кровью?
Какъ подданныхъ своихъ составитъ счастіе онъ?
Какъ будетъ ихъ отцомъ? Чѣмъ утвердитъ свой тронъ?
Любовью.
Вотъ таинство, вотъ ключь къ высокой и святой
Наукѣ добраго правленья!
Кто жъ Принцу лучшія подастъ въ ней наставленья?
Никто, какъ самъ отецъ.“ — Тигръ смотритъ, какъ шальной,
Медвѣдь, другіе то-жъ; а Левъ, отъ умиленья
Заплакавъ, бросился Собаку обнимать.
„Почто,“ сказалъ, „давно не могъ тебя я знать!
О, добрый звѣрь! тебѣ вручаю
Я счастіе мое и подданныхъ моихъ;
Будь сыну моему наставникомъ! Я знаю,
Сколь пагубны льстецы: укрой его отъ нихъ,
Укрой и отъ меня — въ твоей онъ полной волѣ.“
Собака отъ Царя идетъ съ дитятей въ поле,
Лелѣетъ, пѣстуетъ, и учитъ между тѣмъ.
Урокъ былъ первый тотъ, что онъ щенокъ, не Львенокъ,
И въ дальнемъ съ нимъ родствѣ. Проходитъ день за днемъ...
Уже питомецъ не ребенокъ,

Уже наставникъ съ нимъ обходитъ всѣ страны,
Которыя въ удѣлъ отцу его даны;
И Львенокъ въ первый разъ узналъ насильство власти,
Народовъ нищету, звѣрей худыя страсти;
Лиса ѣстъ Кроликовъ, а Волкъ душитъ Овецъ,
Оленя давитъ Барсъ; повсюду, наконецъ,
Могущіе богаты,
Безсильные отъ нихъ крахтятъ,
Быки работаютъ безъ платы,
А Обезьяну золотятъ.
Левъ молодой дрожитъ отъ гнѣва.
„Наставникъ," онъ сказалъ, „подобныя дѣла
Доходятъ ли когда до свѣдѣнья Царева?
Ахъ, сколько бѣдствій, сколько зла!"
— „Какъ могутъ доходить, Собака отвѣчаетъ:
Его одна толпа счастливцевъ окружаетъ,
А имъ не до того; а тѣ, кого съѣдятъ,
Не говорятъ." —
И такъ, нашъ Львенечекъ, безъ дальныхъ размышленій
О томъ, въ чемъ доброту и мудрость ставитъ свѣтъ,
И добръ сталъ и уменъ; но въ этомъ дива нѣтъ:
Примѣръ и опытность полезнѣй наставленій.
Онъ, въ доброй школѣ той взрастая, получилъ
Разсудокъ, мудрость, крѣпость тѣла;
Однако-жъ все еще не вѣдалъ, кто онъ былъ;
Но вотъ, какъ случай самъ о томъ ему открылъ.
Однажды на пути Собака захотѣла
Взять отдыхъ, и легла подъ тѣнію деревъ.
Вдругъ выскочилъ злой Тигръ, разинулъ страшный зѣвъ,
И прямо къ ней, — но Левъ,
Закрывъ ее собою,
Взмахнулъ хвостомъ, затрясъ косматой гривою,
Взревѣлъ — и Тигръ уже растерзанный лежитъ!
Потомъ онъ въ радости къ наставнику бѣжитъ,
И вопитъ: „Побѣдилъ! благодарю судьбину!

Но я ль то былъ, иль нѣтъ? Повѣришь ли, отецъ,
Что въ этотъ мигъ, когда твой близокъ былъ конецъ,
Я вдругъ почувствовалъ и жаръ и силу львину;
Я точно... былъ какъ Левъ!" — „Не ложно, Левъ и есть,"
Наставникъ отвѣчалъ, облившися слезами.
„Готовься важную услышать, сынъ мой, вѣсть:
Отнынѣ... кончилось равенство между нами;
Ты Царь мой! поспѣшимъ возвратомъ ко двору.
Я все употребилъ, что могъ, тебѣ къ добру.
Но ты... и радости и грусти мнѣ причина!
Прости, о Государь, невольно слезы лью...
Отечеству отца даю,
А самъ... теряю сына!"

Дмитріевъ.

XII.

ДІОНИСІЙ и МИНИСТРЪ ЕГО.

Изволь, пожалуй, отвѣчать,
Да такъ, чтобъ не солгать
И правды не сказать.
О Діонисіѣ, я чаю, всякій знаетъ;
Извѣстно всѣмъ, каковъ онъ былъ!
Слухъ о дѣлахъ его и нынѣ ужасаетъ;
А каково жъ тому, кто при Тиранѣ жилъ?
И я не радъ, что ужъ объ немъ заговорилъ:
Не знаю, какъ-бы поскорѣе,
Сказавъ объ немъ, что нонужнѣе,
Оставить мнѣ его.
Разъ у Министра своего
Потребовалъ онъ мнѣнье...
Когда какое-то, не помню, сочиненье
Въ стихахъ дурныхъ онъ написалъ,
Да съ тѣмъ, чтобъ онъ ему всю истину сказалъ.
Министръ привыкъ всегда безъ лести изъясняться,
И самъ Тиранъ его за правду почиталъ,
И часто за нее прощалъ.
— „Стихи (онъ отвѣчалъ Тирану) негодятся." —
Но тутъ не могъ Тиранъ отъ злости удержаться:
Подъ караулъ отдать Министра приказалъ;
Самъ передѣлалъ сочиненье.
Спустя дней нѣсколько, Министра онъ призвалъ,
Чтобъ вновь его услышать мнѣнье.
Министръ ему не отвѣчалъ;
А къ караульному, который тутъ случился,
Оборотился,
И говоритъ ему: „Я долженъ отвѣчать:
Такъ поведи меня подъ караулъ опять."

Хемницеръ.

XIII.

КОТЕЛЪ и ГОРШОКЪ.

Горшокъ съ Котломъ большую дружбу свелъ,
Хотя и по-знатнѣй породою Котелъ,
Но въ дружбѣ что за счетъ? Котелъ горой за свата;
Горшокъ съ Котломъ за-панибрата;
Другъ безъ друга они не могутъ быть никакъ;
Съ-утра до вечера другъ съ другомъ неразлучно;
И у огня имъ порознь скучно;
И, словомъ, вмѣстѣ всякій шагъ,
И съ очага и на очагъ.
Вотъ вздумалось Котлу по свѣту прокатиться,
И друга онъ съ собой зоветъ;
Горшокъ нашъ отъ Котла никакъ не отстаетъ,
И вмѣстѣ на одну телѣгу съ нимъ садится.
Пустилися друзья по тряской мостовой,
Толкаются въ телѣгѣ межъ собой.
Гдѣ горки, рытвины, ухабы —
Котлу бездѣлица; Горшки натурой слабы:
Отъ каждаго толчка Горшку большой накладъ;
Однако-жъ онъ не думаетъ назадъ;
И глиняный Горшокъ тому лишь радъ,
Что онъ съ Котломъ чугуннымъ такъ сдружился.
Какъ странствія ихъ были далеки,
Не знаю; но о томъ я точно извѣстился,
Что цѣлъ домой Котелъ съ дороги воротился,
А отъ Горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство въ любви и дружбѣ вещь святая.

Крыловъ.

XIV.

ПѢТУХЪ и ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ Жемчужное зерно,
И говоритъ: „Куда оно,
Какая вещь пустая!
Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнятъ?
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно.“

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

Крыловъ.

XV.

ЛОШАДЬ и ОСЕЛЪ.

Добро, которое мы дѣлаемъ другимъ,
Въ добро послужитъ намъ самимъ;
И въ нуждѣ надобно другъ другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось лошади въ дорогѣ быть съ осломъ,
И лошадь шла порожнякомъ;
А на ослѣ поклажи столько было,
Что бѣднаго совсѣмъ подъ нею завалило.
— „Нѣтъ мочи,“ говоритъ: „я право упаду,
До мѣста не дойду.“
И проситъ лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье,
Хоть часть поклажи снять съ него.
— Тебѣ не стоитъ ничего,
А мнѣ бъ ты сдѣлала большое облегченье,
Онъ лошади сказалъ.
— „Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!“ —
Сказала лошадь и помчалась.
Оселъ потуда шелъ, пока подъ ношей палъ.
И лошадь тутъ узнала,
Что ношу раздѣлить напрасно отказала,
Когда ее нести одна
Съ ослиной кожею была принуждена.

Хемницеръ.

XVI.

ДВА РАКА.

„Все пятится назадъ! Куда какой дуракъ!“
Журилъ такъ сына старый ракъ:
„Впередъ ступай, впередъ! Нѐто, я драться стану!“
— „Да покажите мнѣ вы, батюшка, хоть разъ,
Какъ надобно ходить: я перейму у васъ;
Извольте вы впередъ, а я ужъ не отстану.“

Слугу за пьянство баринъ бьетъ,
Но не уймешъ, —
А отчего? Самъ баринъ пьетъ.

Измайловъ.

XVII.

НИЩІЙ и СОБАКА.

Большой боярскій дворъ собака стерегла.
Увидя старика, входящаго съ сумою,
Собака лаять начала. —
„Умилосердись надо мною!"
Съ боязнью, пошептомъ бѣднякъ ее молилъ:
„Я сутки ужъ не ѣлъ... отъ глада умираю!" —
— „За тѣмъ-то я и лаю,"
Собака говоритъ, „чтобъ ты накормленъ былъ."

Наружность иногда обманчива бываетъ:
Иной, какъ звѣрь, а добръ; тотъ ласковъ, а кусаетъ.

Дмитріевъ.

XVIII.

ВОЛЯ и НЕВОЛЯ.

Волкъ, долго не имѣвъ поживы никакой,
Былъ тощъ, худой
Такой,
Что кости лишь однѣ, да кожа.
И волку этому случись
Съ собакою сойтись,
Которая была собой росла, пригожа,
Жирна,
Дородна и сильна.
Волкъ радъ бы всей душой съ собакою схватиться,
И сю поживиться;
Да полно для того не смѣлъ,
Что не по немъ была собака,
И не по немъ была бы драка.
И такъ со стороны учтивой подошелъ, —
Лисой къ ней началъ подбиваться:
Ея дородству удивляться,
И всячески ее хвалить.
„Не стоитъ ничего тебѣ такимъ же быть,"
Собака говоритъ: „какъ скоро согласишься
Идти со мною въ городъ жить.
Ты будешь весь иной, и такъ переродишься,
Что самъ себѣ не надивишься.
Что ваша жизнь и впрямь? Скитайся все, рыщи,
И съ горемъ пополамъ поѣсть чего ищи;
А даромъ и кускомъ не думай поживиться:

Все съ бою должно взять!
А это на какую стать?
Куда такая жизнь годится?
Вѣдь посмотрѣть, такъ въ чемъ душа-то, право, въ васъ!
Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ испитые,
Поджарые, худые!
Нѣтъ! то-то жизнь-то какъ у насъ!
Ѣшь не хочу! — всего, чего душа желаетъ!
Послѣ гостей —
Костей, костей,
Остатковъ отъ стола, такъ столько ихъ бываетъ,
Что некуда дѣвать!
А ласки отъ господъ, ужь подлинно сказать!"
Растаялъ волкъ, услыша вѣсть такую,
И даже слезы на глазахъ
Отъ размышленія о будущихъ пирахъ.
— „А должность исправлять за это мнѣ какую?"
Спросилъ собаку волкъ. — „Что? должность? ничего!
Вотъ только лишь всего:
Чтобъ не пускать на дворъ чужаго никого,
Къ хозяину ласкаться,
И около людей домашнихъ увиваться!"
Волкъ, слыша это все, не шелъ бы, а летѣлъ;
И лѣсъ ему такъ омерзѣлъ,
Что про него ужь онъ и думать не хотѣлъ,
И всѣхъ волковъ себя счастливѣе считаетъ.
Вдругъ на собакѣ онъ дорогой примѣчаетъ,
Что съ шеи шерсть у ней сошла.
— „А это что такое,
Что шея у тебя гола?" —
„Такъ, это ничего, пустое."
— „Однако, нѣтъ, скажи." — „Такъ, право, ничего.
Я чаю,
Это оттого,
Когда я иногда на привязи бываю."

— „На привязи?“ тутъ волкъ вскричалъ,
„Такъ ты не все живешь на волѣ?“ —
„Не все. Да полно, что въ томъ нужды?“ Песъ сказалъ
— „А нужды столько въ томъ, что не хочу я болѣ
Ни за что всѣхъ пировъ твоихъ:
Нѣтъ! воля мнѣ дороже ихъ;
А къ ней на привязи, я знаю, нѣтъ дороги!“
Сказалъ, — и къ лѣсу дай Богъ ноги.

Хемницеръ.

ДЕМЬЯНОВА
УХА
Писатель, счастлив ты, коль
дар прямой имеешь,
Но если помолчать во время не
умеешь,
И ближнего ушей ты не
жалеешь
что твои и проза и
стихи
Демьяновой ухи
КРЫЛОВА

XIX.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай.“
— „Сосѣдушка, я сытъ по горло.“ — „Нужды нѣтъ!
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!“
— „Я три тарелки съѣлъ.“ — „И, полно, что за счеты;
Лишь стало бы охоты,—
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ-будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!“
Такъ подчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ:
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. „Вотъ друга я люблю!“
Вскричалъ Демьянъ, „за то ужь чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!“
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку,—

Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь:
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

Крыловъ.

XX.

ЗАПАДНЯ и ПТИЧКА.

Задумалъ кто-то птицъ ловить,
И западню ловить ихъ выставляетъ,
Наклавъ въ нее всего довольно ѣсть и пить.
А чтобы птицъ еще вѣрнѣе приманить,
Обманъ къ обману прибавляетъ,
И птичку въ западню сажаетъ,
Которую изловилъ,
Когда тотъ самый онъ обманъ употребилъ,
Чтобъ птичка, въ клѣткѣ распѣвая,
Другимъ приманкою была,
И голосомъ своимъ прельщая,
Подругъ своихъ въ тюрьму, какъ на добро, звала.
Одна изъ птичекъ налетѣла,
И къ западнѣ на голосъ птички той
Подсѣла.
Заглядываетъ къ ней со стороны, съ другой;
Но вдругъ, подумавши съ собой,
— Нѣтъ, говоритъ: хоть сколько ты ни пой,
Сомнителенъ мнѣ голосъ твой:
Не спроста здѣсь и ты, да и запасъ такой?
Я, правда, цѣлый день не ѣла,
Однако въ тѣсноту такую не пойду,
А въ поле полечу: тамъ кормъ себѣ найду,
Какой я и всегда, хоть съ нуждою, имѣла.
А здѣсь готовое даютъ и ѣсть и пить,
Да тѣсно жить! —

Хемницеръ.

XXI.

МАРТЫШКА и ОЧКИ.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тьфу пропасть!“ говоритъ она: „и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про очки лишь мнѣ налгали;
А проку на-волосъ нѣтъ въ нихъ.“
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, тожъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь, — цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда по-знатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

Крыловъ.

Мартышка
и
Очки
Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ
полижетъ.
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги
засверкали
Къ несчастью, тожъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь, — цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда по-знатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ
Крыловъ

XXI.

МАРТЫШКА и ОЧКИ.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тьфу пропасть!" говоритъ она: „и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про очки лишь мнѣ налгали;
А проку на-волосъ нѣтъ въ нихъ."
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, тожъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь, — цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда по-знатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

Крыловъ.

МАРТЫШКА И ОЧКИ
Мартышка къ старости слаба глазами стала,
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ.
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.
Къ несчастью, тожъ бываетъ у людей
Какъ ни полезна вещь, — цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда по-знатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ
Крыловъ

XXII.

ДѢЛЕЖЪ ЛЬВИНЫЙ.

Оселъ съ Овцой, съ Коровой и съ Козой
Когда-то въ пайщики вступили,
И Льва съ собою пригласили
На договоръ такой:
Что если звѣрь какой
На чьей нибудь землѣ въ тенета попадется,
И звѣря этого удастся изловить,
То бы добычу раздѣлить
По ровной части всѣмъ, кому что̀ доведется.
Случись,
Олень къ Козѣ въ тенета попадись.
Тотчасъ другъ другу повѣстили,
И вмѣстѣ всѣ они оленя задушили.
Дошло до дѣлежа. Левъ тотчасъ говоритъ:
— Одна тутъ часть моя, и мнѣ принадлежитъ
Затѣмъ, что договоръ такой мы положили.
„Объ этомъ слова нѣтъ!" — Другая часть моя
Затѣмъ, что львомъ я
Называюсь,
Что первымъ между васъ считаюсь.
„Пускай и то!" — И третья часть моя
По праву: кто кого храбрѣе;
Еще четверту часть беру себѣ же я
По праву: кто кого сильнѣе;
А за послѣднюю лишь только кто примись,
То тутъ же съ жизнію простись. —

Хемницеръ.

XXIII.

ВОЛКЪ и КОТЪ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая;
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ-бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота —
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ волкъ мой, на заборѣ
Кота,
И молвитъ: „Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ!
Все это вѣдь за мной.“ — „Проси скорѣй Степана;
Мужикъ предобрый онъ,“ котъ Васька говоритъ.
„То такъ; да у него я ободралъ барана.“
— „Ну, попытайся-жъ у Демьяна.“ —
„Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка.“
— „Бѣги-жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.“ —
„Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка!“
— „Ну, плохо-жъ! — Но, авось тебя укроетъ Климъ!“ —
„Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!“

ники за нимъ гнались и гончихъ стая
Волкъ
и
Котъ

— „Что вижу, кумъ! ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ,“
Сказалъ тутъ Васька Волку:
„Какую-жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они;
И правы, — самъ себя вини:
Что ты посѣялъ — то и жни.“ —

Криловъ.

XXIV.

КРЕСТЬЯНИНЪ и КЛЯЧА.

„Ну, матушка?... о, дьяволъ! стала!" —
Филатъ такъ Клячѣ говорилъ
Въ лѣсу, гдѣ дровъ онъ пропасть нарубилъ
И возъ престрашный навалилъ, —
„И съ мѣста не сошла еще, уже устала,
Дворянка!... я тебѣ вотъ дамъ!"
При словѣ семъ схватилъ Филатъ мой хворостину,
И ею ну возить онъ бѣдную скотину,
И по спинѣ, и по бокамъ.
Упала Кляча на колѣни,
Какъ будто милости хотѣла симъ просить;
Филатъ неумолимъ, терпѣть не можетъ лѣни,
И продолжаетъ бить.
Приподнялась она тутъ нехотя на ноги,
И кой-какъ потащила возъ.
„Пошла! пошла! легко: смотри какой морозъ!"
Но Кляча стала вдругъ опять среди дороги
И далѣе нейдетъ.
Опять Филатъ ее съ плеча дубиной бьетъ.
Упала, бѣдная, и уже не встаетъ,
Не тронется, не шевелится.
Филатъ, примѣтя то, дивится —
Посмотритъ: Кляча умерла!
Какъ взвоетъ мой мужикъ: „Одна лишь и была
Лошадушка — и та вотъ пала!
Пропала голова моя теперь, пропала!

КРЕСТЬЯНИНЪ И КЛЯЧА
Ужъ нечего сказать, крестьяне
Какъ мучатъ бѣдныхъ лошадей!
Не хуже, право, чѣмъ людей
Въ какой нибудь глуши дворяне

Чѣмъ прогнѣвилъ тебя, о, Господи! Филатъ?"
А самъ, бездѣльникъ, виноватъ.

Ужъ нечего сказать, крестьяне
Какъ мучатъ бѣдныхъ лошадей!
Не хуже, право, чѣмъ людей
Въ какой нибудь глуши дворяне.

Измайловъ.

Digitized by Google

XXV.

ЛЯГУШКА и ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣла вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться —
Она завистлива была, —
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
„Смотри-ка, квакушка, что, буду-ль я съ него?“
Подругѣ говоритъ. — „Нѣтъ, кумушка, далеко!“ —
„Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?“ — „Почти-что ничего.“ —
„Ну, какъ теперь?“ — „Все тожъ.“ — Пыхтѣла, да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и — околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

Крыловъ.

XXVI.

ЛИСА ПРОПОВѢДНИЦА.

Разбитая параличомъ
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая умомъ,
И въ логикѣ своей изъ первыхъ мастерица,
Лисица
Уединилася отъ свѣта и отъ зла,
И проповѣдывать въ пустыню перешла.
Тамъ кроткія свои бесѣды растворяла
Хвалой воздержности, смиренью, правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей суетѣ;
А братій и всего на проповѣдь сбиралось
Пять, шесть на перечетъ;
А иногда случалось
И менѣе того, и то Сурокъ, да Кротъ,
Да двѣ, три набожныя Лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подпоръ;
Какой же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?
Но лисій дальновиденъ взоръ:
Она перемѣнила струны;
Взяла суровый видъ, и бросила перуны
На кровожаждущихъ Медвѣдей и Волковъ,
На Тигровъ, даже и на Львовъ!
Что жъ? слушателей тьма стеклася,
И слава о ея витійствѣ донеслася

До самаго Царя звѣрей,
Который, не смотря, что онъ породы львиной,
Безъ шума управлялъ подвластною скотиной,
И въ благочестіе вдался подъ старость дней.
„Послушаемъ Лису!“ Левъ молвилъ: „что за диво?“
За словомъ въ слѣдъ указъ:
И въ сутки, ежели не лживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привелена и проповѣдь сказала.
Какую жъ проповѣдь? Изъ кожи лѣзла вонъ!
Въ тирановъ громъ она бросала,
А въ страждущихъ отъ нихъ духъ бодрости вливала
И упованіе на время и законъ.
Придворные оцѣпенѣли:
Какъ можно при дворѣ такъ дерзко говорить!
Другъ на друга глядятъ, но говорить не смѣли,
Смекнувъ, что Царь Лису изволилъ похвалить.
Какъ новость, иногда, и правда намъ по нраву!
Короче вамъ: Лиса вошла и въ честь и славу;
Царь Левъ, давъ лапу ей, привѣтливо сказалъ:
„Тобой я истину позналъ.
И болѣ прежняго гнушаться сталъ пороковъ;
Чего жъ ты требуешь во мзду твоихъ уроковъ?
Скажи, безъ всякаго зазрѣнья и стыда:
Я твой должникъ.“ — Лиса, глядь, глядь, туда сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя улику:
„Всещедрый Царь-отецъ!“
Отвѣтствовала Льву съ запинкой наконецъ:
„Индѣекъ... *малую толику*.“

Дмитріевъ

XXVII.

МІРСКАЯ СХОДКА.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать имъ, гдѣ имъ захочется, сноровку.

Въ овечьи старосты у Льва просился Волкъ.
Стараньемъ кумушки Лисицы,
Словцо о немъ замолвлено у Львицы.
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотритъ Левъ на лицы;
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ,
И разспросить того, другаго,
Что̀ въ Волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худаго.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны.
На сходкѣ голоса, чинъ чиномъ собраны:
Но противъ Волка нѣтъ ни слова,
И Волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что̀ же Овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были?—
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Крыловъ.

XXVIII.

КОНЬ ВЕРХОВОЙ.

Верховой гордый Конь, увидя Клячу въ полѣ,
Въ работѣ подъ сохой,
И въ нѣгѣ не такой,
И не въ уборѣ и не въ холѣ,
Какую гордый Конь у барина имѣлъ,
Съ пренебреженіемъ на Клячу посмотрѣлъ,
Предъ Клячею бодрился,
И хвасталъ, чванился, и тѣмъ и семъ хвалился.
„Что," говоритъ онъ Клячѣ той:
„Бывалъ ли на тебѣ уборъ когда такой,
Какъ мой?
И знаешь ли, меня какъ всякой почитаетъ:
Всякъ, кто ни встрѣтится, дорогу уступаетъ;
Всякъ обо мнѣ твердитъ и всякой похваляетъ.
Тебя же кто на свѣтѣ знаетъ?"
Несносна Клячѣ спѣсь Коня;
— „Пошелъ, хвастунъ!" — ему на это отвѣчаетъ:
„Оставь съ покоемъ ты меня.
Тебѣ ль со мной считаться
И мною насмѣхаться?
Не такъ бы хвастать ты умѣлъ,
Когда бы ты овса моихъ трудовъ не ѣлъ."

Хемницеръ.

XXIX.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Въ мучномъ амбарѣ Котъ такой удалой былъ
Что менѣе недѣли
Мышей до сотни задавилъ;
Десятокъ, или два, кой-какъ ужъ уцѣлѣли,
И спрятались въ норахъ.
Что дѣлать? выдти — страхъ;
Не выходить — такъ смерти ждать голодной.
На лаврахъ отдыхалъ Котъ сытый и дородный.
Однажды вечеромъ на кровлю онъ ушелъ,
Гдѣ милая ему назначила свиданье.
Слухъ до Мышей о томъ дошелъ:
Повыбрались изъ норъ, открыли засѣданье,
И стали разсуждать,
Какія мѣры имъ противъ Кота принять.
Одна мышь умная, которая живала
Съ учеными на чердакахъ
И много книгъ переглодала,
Совѣтъ дала въ такихъ словахъ:
„Сестрицы! отвратить грозящее намъ бѣдство
Я нахожу одно лишь средство,
Простое самое. Оно въ томъ состоитъ,
Чтобъ нашему злодѣю,
Когда онъ спитъ,
Гремушку привязать на шею:
Далеко ль, близко ль Котъ, всегда мы будемъ знать,
И не удастся насъ въ расплохъ ему поймать.“

— „Прекрасно! ахъ, прекрасно!"
Вскричали всѣ единогласно.
„Зачѣмъ откладывать? какъ можно поскорѣй
Коту гремушку мы привяжемъ, —
Ужъ то-то мы себя докажемъ!
Ай славно! не видать ему теперь Мышей,
Такъ точно, какъ своихъ ушей! —
„Все очень хорошо; привязывать кто жъ станетъ?"
— Ну, ты. — „Благодарю!"
— Такъ ты. — „Я посмотрю,
Какъ духа у тебя достанетъ!" —
— Однако жъ надобно. — „Что долго толковать!
Кто сдѣлалъ предложенье,
Тому и исполнять.
Ну, умница, свое намъ покажи умѣнье."
И умница равно за это не взялась,
А для чего жъ бы такъ?... да лапка затряслась!

Куда какъ право чудно!
Мы мастера учить другихъ;
А если дѣло вдругъ дойдетъ до насъ самихъ,
То исполнять намъ очень трудно.

Измайловъ.

XXX.

СЛѢПОЙ ЛЕВЪ.

Былъ Левъ слѣпой; а быть и знатному слѣпымъ
Дурное, право, состоянье!
Давай, хоть не давай, Левъ подданнымъ своимъ
О чемъ какое приказанье.
Иль правду въ томъ,
Или въ другомъ
Не думай Левъ узнать: обмануть былъ кругомъ!

Лиса придетъ и рапортуетъ,
Что львовъ запасный дворъ находится у ней
Во всей
Сохранности своей.
А первая съ двора запаснаго воруетъ,
Да и другимъ даетъ щечить,
Чтобъ не мѣшали ей тащить.

Волкъ тожъ, бывало, Льву наскажетъ,
Когда онъ наловить ему звѣрей прикажетъ,
Что ловъ сегодня былъ дурной,
И попадался звѣрь худой,
Себѣ же жирный кусъ оставитъ:
А чтобъ повѣрилъ Левъ, свидѣтелей поставитъ.
И словомъ: всякъ, кому по должности дойдетъ
Льву донести о чемъ, что̀ хочетъ, то̀ налжетъ.
Тутъ, кромѣ воровства и лжи, не жди другаго
Отъ мала до большаго.

Слѣпаго льва легко обманывать звѣрямъ,
Такъ, какъ иныхъ господъ слугамъ.

Хемницеръ

XXXI.

ЛИСИЦА и ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты горятъ;
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ неймётъ.
Пробившись по-пусту часъ цѣлой,
Пошла и говоритъ съ досадою: „Ну, что жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ — ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь."

Криловъ.

XXXII.

МЕТАФИЗИКЪ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ,
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился;
Но сынъ глупѣе воротился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И Малаго не научили,
А навѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало, съ глупости онъ по-просту болталъ;
Теперь все съ высока безъ толку толковалъ.
Бывало, глупые его не понимали;
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ,
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Сыскать начало всѣхъ началъ.
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши оступился,
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,
Премудрость изъ рва на свѣтъ произвести.

А думный между тѣмъ Дѣтина
Въ той ямѣ сидя разсуждалъ:
„Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье,
А въ яму скорое стремленье,
Центральное влеченье,
Воздушное давленье..."

Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
„Вотъ," говоритъ: „тебѣ веревка: ухватися,
Я потащу тебя, держися."
— „Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ
(Понесъ Студентъ обычный бредъ)
Веревка вещь какая?" —
Отецъ его былъ неученъ,
Но разсудителенъ, уменъ;
Вопросъ ученый оставляя,
„Веревка вещь," ему отвѣтствовалъ, „такая
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ."
— „На это бъ выдумать орудіе другое,"
Ученый все свое несетъ:
„А это что такое?...
Веревка! — вервіе простое!"
„Да время надобно!" отецъ ему на то:
„А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово."
— „Да время что?"
„А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди," сказалъ отецъ: „пока приду опять."

Что если бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?
Да яма надобна большая!

Хемницеръ.

XXXIII.

ВОРОБЬИ и ОВСЯНКА.

Накрывши сѣтью Воробьевъ,
Мужикъ имъ говорилъ: „Вотъ я васъ всѣхъ воровъ!
Вы на поле мое летали,
Горохъ клевали!
Не долго дамъ теперь сидѣть вамъ въ полону:
Всѣмъ головы сверну,
И въ кашицу... Да ты, Овсянка, какъ попала?"
Овсянка такъ ему подъ сѣтью отвѣчала:
— „Послушай, мужичокъ, всю истину скажу:
Я съ ними только лишь лѣтала,
А, право, твоего гороха не клѣвала.
Пусти меня; ни чѣмъ тебѣ я не врежу.
Ужъ ли поступишь такъ со мной, какъ съ воробьями?"
— „Да не помилую, конечно, и тебя!
Пѣняй сама ты на себя:
Зачѣмъ была съ плутами?"

Измайловъ.

XXXIV.

ЛЕВЪ и КОМАРЪ.

„Прочь ты, подлѣйшій гадъ, навоза порожденье!“
Левъ гордый Комару сказалъ. —
„Потише!“ отвѣчалъ Комаръ ему: „я малъ,
Но самъ не меньше гордъ и не снесу презрѣнье!
Ты царь звѣрей,
Согласенъ;
Но мнѣ ни мало не ужасенъ:
Я и Быкомъ верчу, а онъ тебя сильнѣй.“
Сказалъ, и, сталъ трубачь, жужжить повѣстку къ бою;
Потомъ съ размашкою, приличною герою,
Встряхнулся, полетѣлъ, и въ шею Льву впился:
У Льва глазъ кровью налился;
Изъ пасти пѣна бьетъ; зубами онъ скрежещетъ!
Реветъ, и все вокругъ уходитъ и трепещетъ!
Отъ Комара всеобщій страхъ!
Онъ въ тысячи мѣстахъ,
И въ шею, и въ бока, и въ брюхо Льва кусаетъ
И даже въ глубь ноздри влетаетъ!
Тогда несчастный Левъ, въ страданьи выше силъ,
Какъ бѣшеный, вкругъ чреслъ хвостомъ своимъ забилъ,
И началъ грызть себя: потомъ... лишившись мочи,
Упалъ, и грозныя на вѣкъ смыкаетъ очи.

Крылатый богатырь тутъ пуще зажужжалъ,
И всюду разглашать о подвигахъ помчался;
Но скоро самъ попалъ
Въ засаду къ Пауку и съ жизнію разстался.

Увы! въ юдоли слезъ невѣренъ каждый шагъ;
Отъ злобы, отъ бѣды, когда и гдѣ въ покоѣ?
Опасенъ крупный *врагъ*,
А мелкій *часто вдвое.*

Дмитріевъ.

XXXV.

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей, до-сыта, до-отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала,
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
„Вѣдь это дереву вредитъ,"
Ей съ дубу воронъ говоритъ:
„Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ."
— „Пусть сохнетъ," говоритъ Свинья:
Ни чуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ни чуть не пожалѣю;
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю."
— „Неблагодарная!" примолвилъ Дубъ ей тутъ:
„Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было
Что эти жолуди на мнѣ растутъ.

Невѣжа такъ же въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье,
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Крыловъ.

XXXVI.

БОГАЧЪ и БѢДНЯКЪ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ.
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
И кто бы ни былъ ты таковъ, —
Дѣтина будетъ какъ дѣтина.
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй,
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей —
Того почтенья не дождется,
Какое ото всѣхъ богатымъ отдается.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ;
Но Бѣдняка никто не только что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ;
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждый Бѣдняку въ отвѣтъ:
Короткое, иль *да*, иль *нѣтъ*.
Привѣтствія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ не находитъ;
Съ учтивствомъ подойдетъ, и съ горестью отходитъ.
Потомъ
За Бѣднякомъ

Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался.
Но только въ двери показался —
Сказать нельзя какой пріемъ!
Всѣ встали передъ Богачемъ;
Всякъ Богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ;
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ;
И подъ руки его берутъ;
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ;
Поклоны чуть ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.

Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ Богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
„Зачѣмъ", онъ говоритъ ему:
„Достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?"
— Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякой занимаетъ. —

Хемницеръ.

XXXVII.

ЛЕВЪ и ЛИСИЦА.

Лиса, не видя съ-роду Льва,
Съ нимъ встрѣтясь, со страха осталась чуть жива.
Вотъ, нѣсколько спустя, опять ей Левъ попался;
Но ужъ не такъ ей страшенъ показался.
А третій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со Львомъ.

Иного также мы боимся,
Поколь къ нему не приглядимся.

Крыловъ

XXXVIII.

ПАУКЪ и МУХИ.

„Постой.“ Паукъ сказалъ:
„Я чаю, я нашелъ причину
Зачѣмъ еще большой я мухи не поймалъ,
А попадается все мелочь: дай раскину
Пошире паутину;
Авось — либо тогда поймаю и большихъ.“
Раскинувъ, нажидаетъ ихъ:
Все мелочь попадаетъ;
Большая муха налетитъ,
Прорвется, и сама и паутину мчитъ.

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни обернись, бѣда:
Воръ напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ-подъ суда;
А маленькій наказанъ остается!

Хемницеръ.

XXXIX.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался,
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ —
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однако-же смѣется Тришкѣ всякъ.
А Тришка говоритъ: „Такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю.“
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

Крыловъ.

XL.

ПОДАГРА и ПАУКЪ.

Подагру съ Паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ:
Слухъ этотъ Лафонтенъ по свѣту распустилъ.
Не стану я за нимъ вывѣшивать и мѣрить,
На сколько правды тутъ, и какъ, и почему;
Притомъ же, кажется, ему,
Зажмурясь, въ басняхъ можно вѣрить.
И, стало, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что адомъ рождены Подагра съ Паукомъ.
Какъ выросли они, и подоспѣло время
Пристроить дѣтокъ къ должностямъ
(Для добраго отца большія дѣти — бремя,
Пока они не по мѣстамъ!),
То, отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ: „Подите
Вы дѣтушки, на свѣтъ, и землю раздѣлите!
Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите же: отселѣ напередъ,
Кто что въ удѣлъ себѣ возьметъ. —
Вонъ, видите-ль вы пышные чертоги?
А тамъ, вонъ, хижины убоги?
Въ однихъ просторъ, довольство, красота;
Въ другихъ и тѣснота,
И трудъ, и нищета.“
— „Мнѣ хижинъ ни за что не надо,“

Сказалъ Паукъ. — „А мнѣ не надобно палатъ,“
Подагра говоритъ. „Пусть въ нихъ живетъ мой братъ.
Въ деревнѣ, отъ аптекъ подалѣ, жить я рада;
А то меня тамъ станутъ доктора
Гонять изъ каждаго богатаго двора.“
Такъ смолвясь братъ съ сестрой, пошли, явились въ мірѣ.
Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмежевалъ:
По шкафамъ пышнымъ, расцвѣченнымъ
И по карнизамъ золоченнымъ
Онъ паутину разостлалъ,
И мухъ бы вдоволь нахваталъ;
Но къ-разсвѣту едва съ работою убрался,
Пришелъ и щеткою все смелъ слуга долой.
Паукъ мой терпѣливъ; онъ къ печкѣ перебрался,
Оттолѣ Паука метлой.
Туда, сюда Паукъ, бѣдняжка мой!
Но гдѣ основу ни натянетъ,
Иль щетка иль крыло вездѣ его достанетъ,
И всю работу изорветъ,
А съ нею и его частехонько смететъ.
Паукъ въ отчаяньи, и за-городъ идетъ
Увидѣться съ сестрицей.
„Чай, въ селахъ,“ говоритъ „живетъ она царицей.“
Пришелъ — а бѣдная сестра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ Паука:
Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ,
И рубитъ съ ней дрова, и воду съ нею носитъ;
Примѣта у простыхъ людей,
Что чѣмъ подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй
Избавишься отъ ней.
„Нѣтъ, братецъ“, говоритъ она: „не жизнь мнѣ въ полѣ!“
А братъ
Тому и радъ;

Онъ тутъ-же съ ней удѣломъ обмѣнялся:
Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ разобрался,
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Browser Заткалъ и потолокъ, и стѣны, и углы.
Подагра-же, тотчасъ въ дорогу;
Простилася съ селомъ:
Въ столицу прибыла, и въ самый пышный домъ
Къ превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагрѣ рай! Пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ-тѣхъ-поръ съ сестрою братъ ужъ болѣ не видался:
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пустился неопрятнымъ,
Подагра-же пошла по богачамъ и знатнымъ:
И, оба дѣлаютъ умно.

Крылова.

XLI.

МУХА.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ;
А Муха у него сидѣла на рогахъ,
И Муху же они дорогой повстрѣчали.
„Откуда ты, сестра?" отъ этой былъ вопросъ. —
А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: „Откуда? мы пахали!"

Отъ басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчасъ вамъ слышать, господа:
„Мы *сбили!* мы *рѣшили!*"

Дмитріевъ

XLII.

ОСЕЛЪ и КОНЬ.

Одинъ шалунъ Осла имѣлъ,
Который годенъ былъ лишь ѣздить за водою;
Онъ на него чепракъ надѣлъ
Весь шитый золотомъ, съ богатой бахромою.
Оселъ нашъ важничать въ такомъ нарядѣ сталъ
И, уши вверхъ поднявъ, прегордо выступалъ;
На встрѣчу Конь ему попался:
А на Конѣ чепракъ обыкновенный былъ:
Тутъ длинноухій разсмѣялся
И рыло отъ него свое отворотилъ.

Такихъ ословъ довольно и межъ нами,
Безъ чепраковъ, а съ чьмъ? — ну! догадайтесь сами.

Измайловъ.

XLIV.

ОРЛЫ.

Сначала всяко дѣло строго
И въ строку такъ идетъ,
Что и приступу нѣтъ:
А тамъ перегодя не много,
Пошло и вкриво все и вкось.
И отъ часу все хуже, хуже,
Покуда наконецъ хоть брось.
Не знаю, череду ведутъ ли люди ту же
Но слово въ басни сей
Про птицъ, не про людей.

Орлы когда-то всѣ рѣшились
Составить общество правленья межъ собой,
И сдѣлали уставъ такой,
Чтобъ прочія отъ нихъ всѣ птицы удалились,
Какъ недостойныя съ Орлами вмѣстѣ жить,
Судить,
Рядить,
Или въ дѣла Орловъ входить,
И словомъ, въ обществѣ одномъ съ Орлами быть.
И такъ живутъ Орлы, храня уставъ свой строго.
И никакой изъ птицъ къ Орламъ приступу нѣтъ.
Прошло, не знаю сколько лѣтъ;
Однако помнится не много.
Вдругъ изъ Орловъ одинъ свой голосъ подаетъ,
Съ другими разсуждаетъ,
И вотъ что предлагаетъ:

„Хоть позволенія на то у васъ и нѣтъ,
Чтобъ съ нами въ обществѣ другія птицы жили,
Которы бъ не одной породы съ нами были,
Достоинствъ равныхъ намъ,
Орламъ,
Отмѣнныхъ не имѣли,
Летать по нашему высоко не умѣли,
На солнце бы смотрѣть не смѣли;
Но какъ соколій вамъ извѣстенъ всѣмъ полетъ,
И думаю, что намъ онъ пользу принесетъ,
Такъ пусть и онъ при насъ живетъ;
Мнѣ кажется, бѣды тутъ нѣтъ."
И въ прямъ, Орлы на то сказали:
— Его полетъ...
А сверхъ того одинъ Соколъ куда нейдетъ. —
И Сокола принять позволить приказали.
Потомъ, спустя еще не знаю сколько лѣтъ,
Ужъ также и Соколъ свой голосъ подаетъ:
„Что пользы Ястребъ тожъ не мало принесетъ,
И нужнымъ признаетъ,
Чтобы Орлы благоволили
И Ястреба принять."
Но тутъ было Орлы сперва поусомнились,
Хотѣли отказать;
Однако наконецъ рѣшились,
Чтобъ позволенье дать
И Ястреба въ ихъ общество принять.
Потомъ и Ястребъ тожъ Орламъ сталъ представлять:
Что нужны птицы тѣ, другія,
Невѣдь какія,
Чтобъ разну должность отправлять.
Чтожъ? сдѣлался приказъ отъ самаго правленья,
Чтобъ птицамъ былъ пріемъ впередъ безъ представленья,
И вышло наконецъ, что въ общество Орловъ
Ужъ стали принимать и Филиновъ и Совъ.

Хемницеръ.

XLIV.

ВОЛКЪ и ЛИСИЦА.

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись до-сыта,
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный Волкъ тащится.
„Что, кумушка, бѣда!“ онъ говоритъ:
„Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться!“
— „Неужели?“ — „Право такъ.“ — „Бѣдняжка-куманекъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова.“
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснова —
Да про запасъ Лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по-уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

Крыловъ

XLV.

ОСЕЛЪ ВЪ УБОРѢ.

Одѣнь невѣжду
Въ богатую одежду,
Не сладишь! — и Ослы тогда
Считаютъ, что они большіе господа.

Не помню, право, я, по случаю какому
Отправилъ Левъ Осла
Къ сосѣду Льву другому
(Но разумѣется не въ качествѣ посла),
Къ сосѣду дорогому
Какіе-то подарки снесть.
Посольство отправлять у льва лисица есть.
Но хоть подарки несть Осла употребили,
Однако все его богато нарядили.
Оселъ
Лишь на уборъ свой посмотрѣлъ,
Не вспомнился и взбѣленился:
Лягается и всѣхъ толкаетъ, давитъ, бьетъ;
Дороги отъ Осла звѣрямъ и умнымъ нѣтъ;
Самъ Левъ не такъ гордился.
Ословъ поступокъ сей
Противъ достойнѣйшихъ звѣрей
Сталъ свыше ужъ терпѣнья.

Пришли и на Осла Льву подали прошенье.
Левъ, просьбу разсмотря, Осла къ себѣ призвалъ,
Ослу нарядному сказалъ:
„Твое достоинство не чинъ опредѣляетъ:
Одинъ уборъ твой
Золотой;
Другихъ звѣрей талантъ, заслуга отличаетъ.“
Уборъ съ Осла онъ снять велѣлъ.
Оселъ достоинства другого не имѣлъ,
И безъ убора сталъ, какъ прежде былъ — оселъ.

Хемницеръ.

XLVI.

КВАРТЕТЪ.

Проказница-Мартышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапый Мишка,
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки,
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
„Стой, братцы, стой!“ кричитъ Мартышка: „погодите!
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я прима сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!“
Разсѣлись, начали Квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
— „Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ.“
Кричитъ Оселъ: „мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.“
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки Квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось, Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.

КВАРТЕТЪ.
Чтобъ музыкантомъ быть,
такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ по-нѣжнѣй,
Имъ отвѣчаетъ Соловей
„А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь“
Крыловъ

Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
— „Пожалуй“, говорятъ: „возьми на часъ терпѣнье.
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!“
— „Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ по-нѣжнѣй,“
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
„А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.“

Крыловъ.

XLVII.

ФИЛИНЪ и ЧИЖЪ.

Въ лѣсу Соловушко зарей вечерней пѣлъ,
А Филинъ на соснѣ, нахмуряся, сидѣлъ.
И укалъ, что̀ въ немъ было мочи,
Какъ часовой средь ночи.
„Пожалуй, дядюшка-голубчикъ, перестань,
Сказалъ Чижъ Филину: ты Соловью мѣшаешь.“
— Молчи, дуракъ, молчи; ты ничего не знаешь.
Что Соловей твой? — дрянь!
Ну такъ ли въ старину пѣвали?
И такъ ли молодцы изъ насъ теперь поютъ?
— „Да кто же? Соловья мы лучше не слыхали;
Ему здѣсь первенство всѣ птицы отдаютъ.“
— Неправда! онъ поетъ негодно, вяло, грубо,
А хвалитъ кто его, несетъ тотъ сущій бредъ.
Вотъ воронъ, мой сосѣдъ,
Когда закаркаетъ, то, право, сердцу любо!
Изряденъ также черный Грачъ:
Хоть малъ, а свилъ гнѣздо подъ крышкой храма славы.
Кукушкинъ на кладбищѣ плачъ
Намъ тоже дѣлаетъ забавы.
Но Сычъ — вотъ изъ пѣвцовъ пѣвецъ!
Его брать должно въ образецъ,
Кричитъ безъ умолку, прекрасно!
Скажу предъ всѣми безпристрастно,
Что нѣтъ здѣсь равнаго Сычу...
За то я самъ его учу.

Измайловъ.

[illegible]а какъ право чудно!
Мы мастера учить другихъ,
А если дѣло вдругъ дойдетъ до насъ самихъ,
То исполнять намъ очень трудно.

XLVIII.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры:
„Жалѣю, Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры,
Жалѣю, Тросточка, объ участи твоей!
Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей;
Легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду,
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду,
И гнетъ тебя къ земли;
Тогда какъ я — высокъ, осанистъ, и вдали
Не только Фебовы лучи пересѣкаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Стою, и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ;
Все для меня Зефиръ, тебѣ-жъ все Аквилонъ.
Блаженна-бъ ты была, когда-бъ росла со мною;
Подъ тѣнію моей густою
Ты-бъ не страшилась бурь; но рокъ тебѣ судилъ
Расти, на мѣсто злачна дола,
На топкихъ берегахъ владычества Эола.
По чести, и въ меня твой жребій грусть вселилъ."
„Ты очень жалостливъ," Трость Дубу отвѣчала:
„Но право, о себѣ еще я не вздыхала,
Да не о чемъ и воздыхать:
Мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя опасны.
Хотя порывы ихъ ужасны

И не могли тебя досель поколебать.
Но подождемъ конца.“ — Съ симъ словомъ вдругъ завыла
Отъ сѣвера гроза, и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ — все рушитъ и валитъ,
Летитъ, кружится листъ; Трость гнется — Дубъ стоитъ.
Вѣтръ пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи,
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ —
Упалъ!

Дмитріевъ.

XLIX.

ОСЕЛЪ-НЕВѢЖА.

На встрѣчу Конь Ослу попался,
Гдѣ путь тѣсненекъ былъ.
Почтенья отъ Осла Конь этотъ дожидался,
Хотѣлъ, чтобъ онъ ему дорогу уступилъ.
Однако, какъ Оселъ учтивству не учился,
И былъ такъ грубъ, какъ грубъ родился,
Онъ прямо на Коня идетъ.
Конь вѣжливо Ослу: „Нельзя-ль посторониться,
Чтобъ какъ нибудь намъ разойтиться;
Иль дай пройти намъ напередъ."
Однако же Оселъ невѣжей выступаетъ,
Коню проходу не даетъ.
Конь, видя это, самъ дорогу уступаетъ,
Сказавъ: „Добро, изволь ты прежде проходить.
Я не намѣренъ правъ твоихъ уничижить;
И первенства тебя ослинаго лишить."

Хемницеръ.

L.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ТОПОРЪ.

Мужикъ, избу рубя, на свой Топоръ озлился;
Пошолъ Топоръ въ-худыхъ; Мужикъ взбѣсился.
Онъ самъ нарубитъ вздоръ,
А виноватъ во всемъ Топоръ:
Бранитъ его, хоть какъ, Мужикъ найдетъ причину.
„Негодный!“ онъ кричитъ однажды: „съ этихъ-поръ
Ты будешь у меня обтесывать тычину,
А я, съ моимъ умѣньемъ и трудомъ,
Притомъ съ досужестью моею,
Знай, безъ тебя пробавиться умѣю,
И сдѣлаю простымъ ножомъ,
Чего другой не срубитъ топоромъ.“
— „Рубить, что мнѣ велишь, моя такая доля,“
Смиренно отвѣчалъ Топоръ на окрикъ злой:
„И такъ, хозяинъ мой,
Твоя святая воля,
Готовъ тебѣ я всячески служить;
Да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить:
Меня ты по-пусту изтупишь,
А все ножомъ избы не срубишь.“

Крыловъ.

LI.

ЛѢСТНИЦА.

Все надобно стараться
Съ потребной стороны за дѣло приниматься;
А если иначе, все будетъ безъ пути.

Хозяинъ нѣкакой сталъ лѣстницу мести;
Да началъ, не умѣя взяться,
Съ ступеней нижнихъ месть. Хоть съ нижней соръ смететъ,
А съ верхней соръ опять на нижнюю спадетъ.
— Не безтолковъ ли ты? ему тутъ говорили,
Которые при этомъ были,
Кто снизу лѣстницу мететъ? —

На что бы походило,
Когда-бъ въ правленіи, въ какомъ бы то ни было,
Не съ вышнихъ степеней, а съ нижнихъ начинать
Порядокъ наблюдать?

Хемницеръ.

LII.

КРЕСТЬЯНИНЪ и СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику порой холодной, зимной,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой.
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ, и думалъ самъ съ собой:
„Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ; къ тому-жъ жена и дѣти,
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ...
И выдался-ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?"
Въ такомъ уныніи, на свой пѣняя рокъ,
Зоветъ онъ Смерть: она у насъ не за горами,
А за плечами:
Явилась вмигъ,
И говоритъ: „За чѣмъ ты звалъ меня, старикъ?"
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ, бѣднякъ, оторопѣвъ:
— „Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку."

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

Крыловъ.

LIII.

СКОТСКОЕ ПРАВОСУДІЕ.

Не бойся, *говорятъ*, суда.
А бойся *вонъ* судьи. *И то бѣда:*
Какъ секретарь доложитъ.
Такъ и судья плохой положитъ.
Напорютъ цѣлую тетрадь.
Протитулятъ, спутаютъ, завяжутъ.
И грамотному не понять.
А настоящаго и главнаго не скажутъ.

Левъ сдѣлалъ приставомъ Собаку при Овцахъ.
Волкамъ Собака страхъ.
Одинъ изъ нихъ хотѣлъ ягненкомъ поживиться.
Схватилъ его и въ лѣсъ понесъ;
Но нагналъ вора вѣрный пёсъ
И долженъ былъ Волкъ ужина лишиться,
Да клокомъ шерсти поплатиться.
Волкъ съ жалобою въ судъ идетъ.
(Оселъ тамъ былъ судья, а секретарь Лисица,
Докладывать большая мастерица.)
Гусенка на поклонъ секретарю несетъ —
Докладъ лисица подаетъ:
Отъ слова до слова прошенье прописала,
Законы подвела,

Но объ ягненкѣ не сказала.
И какъ сказать? она при дѣлѣ не была.
И вотъ, безъ всякихъ справокъ,
И безъ очныхъ, какъ должно, ставокъ,
Послѣдовалъ журналъ, что „въ силу скотскихъ правъ,
За оскорбленье волчьей чести
И вырванье *съ азартомъ* шерсти,
Взыскать съ Собаки должно штрафъ,
Безчестье и увѣчье:
А стадо все овечье
Просителю *на время* поручить,
Собаку же отъ мѣста удалить,
Для соблюденья пользы львиной."
Что дѣлаетъ докладъ Лисы и судъ ослиной,
Особенно въ дали, въ глуши?
По дудкѣ ихъ тамъ и пляши.

Измайловъ.

LIV.

МУРАВЕЙ и ЗЕРНО.

Готовя Муравей запасъ, нашелъ зерно,
Межъ мелкими одно
Весьма большое.
Не муравью бы имъ, казалось, и владать,
Да нѣтъ, затѣялъ онъ и эту ношу взять.
Зерно, онъ думаетъ, такое
Одно на цѣлую недѣлю можетъ стать;
И потащилъ зерно большое.
Дорога вверхъ горы утесистой была:
Ну, около зерна мой Муравей трудиться,
Тащить, карабкаться, лѣпиться;
Но тяжесть трудъ перемогла —
И Муравья стремглавъ съ утеса сорвала:
Грузъ въ сторону летитъ, а Муравей въ другую.

Не трогая струну людскую,
Мнѣ только Муравью хотѣлось бы сказать,
Чтобъ свыше силъ не подымать.

Хемницеръ.

LV.

СТАРИКЪ и ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Старикъ, лѣтъ въ семьдесять, рылъ яму и кряхтѣлъ:
Добро бы строить, нѣтъ, садить еще хотѣлъ!
А трое молодцовъ, зѣвая на работу,
Смѣялися надъ нимъ. „Какую же охоту
На старости Богъ далъ!"
Одинъ изъ нихъ сказалъ.
„Другой прибавилъ: „Что-жъ! еще не опоздалъ!
Ковчегъ и большаго терпѣнья стоилъ Ною."
„Смѣшонъ ты, дѣдушка, съ надеждою пустою!"
Примолвилъ третій Старику:
Довольно, кажется, ты пожилъ на вѣку;
Когда-жъ тебѣ дождаться,
Подъ тѣнію твоей рябинки прохлаждаться?
Ровестникамъ твоимъ и настоящій часъ
Невѣренъ;
А *завтремъ* льстить себя оставь уже ты насъ."
Совѣтъ довольно здравъ, довольно и умѣренъ
Для мудреца въ шестнадцать лѣтъ!
„Повѣрьте мнѣ, друзья," Старикъ сказалъ въ отвѣтъ,
„Что *завтре* ни мое, ни ваше,
Что Парка блѣдная равно
Взираетъ на теченье наше.
Отъ Провидѣнія намъ вѣдать не дано,
Кому изъ насъ оно судило
Послѣднему взглянуть на ясное свѣтило!

СТАРИКЪ
И ТРОЕ
МОЛОДЫХЪ

Не можете и вы надежны быть, какъ я,
Ниже на мигъ одинъ... Работа же моя
Не мнѣ, такъ дѣтямъ пригодится;
Чувствительна душа и въ чужѣ веселится.
И такъ вы видите, что мной ужъ собранъ плодъ,
Которымъ я могу теперь же наслаждаться,
И *завтре*, можетъ статься,
И далѣе... какъ знать? быть можетъ, что и годъ.
Ахъ! можетъ быть и то, что вашъ безумецъ хилой
Застанетъ мѣсяца восходъ
Надъ вашей, розами усыпанной... могилой!"
Старикъ предчувствовалъ: одинъ, прельстясь пескомъ —
Конечно золотымъ — уснулъ на днѣ морскомъ;
Другой подъ миртами исчезъ въ цвѣтущи лѣта;
А третій — дворянинъ, за честь къ отмщенью скоръ,
Войдя съ пріятелемъ въ театрѣ въ легкій споръ,
За креслы, помнится... убитъ изъ пистолета.

Дмитріевъ.

LVI.

ЛЕВЪ СОСТАРѢВШІЙСЯ.

Могучій Левъ, гроза лѣсовъ,
Постигнутъ старостью, лишился силы:
Нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ.
Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ;
И самого едва таскаютъ ноги хилы.
А что всего больнѣй,
Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,
Но всякъ, за старыя обиды Льва, въ отмщенье,
Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье:
То гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ,
То зубомъ волкъ рванетъ,
То острымъ рогомъ волъ боднетъ.
Левъ бѣдный въ горѣ толь великомъ,
Сжавъ сердце, терпитъ все, и ждетъ кончины злой,
Лишь изъявляя ропотъ свой
Глухимъ и томнымъ рыкомъ.
Какъ видитъ, что оселъ туда-жъ, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть,
И смотритъ мѣсто лишь, гдѣ-бъ было по-больнѣе.
„О, боги!" возопилъ, стеная, Левъ тогда,
„Чтобъ не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе!
Какъ смерть моя ни зла:
Все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла."

Крыловъ.

LVII.

ОБОЗЪ.

Шелъ нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозѣ былъ такой престрашный возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами.
Не возикъ и не возъ, возище то валитъ.
Но чѣмъ сей баринъ-возъ набитъ?
Пузырями.

Хемницеръ.

LVIII.

ВОРОНА и ЛИСИЦА.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочикъ сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала;
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ, — Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
„Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!“
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло, —
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

Крыловъ.

LIX.

ЧИЖЪ и ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка — западня;
Бѣдняжка въ ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой надъ нимъ-же издѣвался.
„Не стыдно-ль,“ говоритъ „средь бѣла дня
Попался!
Не провели бы такъ меня.
За это я ручаюсь смѣло.“
Анъ смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ.
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ.

Крыловъ.

LX.

КОНЬ и ОСЕЛЪ.

Конь, всадникомъ гордясь,
И выступкой храбрясь,
Рѣзвился,
И какъ-то оступился.
На ту бѣду Оселъ случился,
И говоритъ Коню: „Ну, если бы со мной
Грѣхъ сдѣлался такой!
Я, ходя цѣлый день, ни разу не споткнуся;
Да полно я и берегуся."
— „Тебѣ ли говорить!"
Конь отвѣчалъ Ослу: — „и ты туда-жъ несешься!
Твоею выступкой ходить,
И ввѣкъ не спотыкнешься."

Хемницеръ.

LXI.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА и РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ:
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него, не дѣло, только муки.

Однажды Лебедь, Ракъ, да Щука,
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа-бы для нихъ казалась и легка:
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, — судить не намъ,
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Крыловъ.

LXII.

КОЗЕЛЪ и ЛИСИЦА.

Козель большой, рогатый,
Преважный съ виду, бородатый.
Но по уму едва-ль не братъ ослу родной,
Съ плутовкою Лисой дорогой шелъ одной.
День самый жаркій былъ; листокъ не колыхался:
Ихъ жажда мучила, а солнце ихъ пекло.
Шли, шли они, и вдругъ колодезь имъ попался.
„Смотри-ка, куманёкъ, вода здѣсь какъ стекло!
Не хочешь ли испить?“ Лиса Козла спросила.
Безмозглый бородачъ въ колодезь мигомъ скокъ:
Колодезь этотъ былъ, по счастью, не глубокъ.
Лисица, видя то, туда же соскочила,
И взапуски, ну двое пить.
Лисица, напившися, сказала: „Какъ намъ быть,
Голубчикъ куманёкъ? Идти еще далеко;
А вылѣзть вонъ нельзя — высоко!“
— Не приложу ума:
Подумай, кумушка, сама. —
„А вотъ я вздумала: пожалуй, потрудися,
На задни ноги встань, передними уприся
Покрѣпче ты въ обрубъ, да чуръ не шевелися;
Отсюда вылѣзу я по твоимъ рогамъ,
А тамъ
И кума вытащить на верхъ я постараюсь.“
— И вправду такъ! удивляюсь!

Ужъ что̀ за кумушка! какая голова!
Да мнѣ бы этого не выдумать дня въ два.
Изволь...—и съ словомъ симъ Лисѣ подставилъ роги.
Лисица вылѣзла. — „Сиди же здѣсь, глупецъ!“
Сказала, и давай Богъ ноги!

Предвидѣть надобно во всѣхъ дѣлахъ конецъ.

Измайловъ.

LXIII.

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТЪ СВѢТА.

Восточны жители, въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слѣпаго случая игрою,
Оставила сей шумный міръ,
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:
Въ Голландскій сыръ.
Тамъ святостью одной свою питая вѣру,
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландскій сыръ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ
Изрядну келейку съ достаточнымъ запасомъ.
Чего же болѣе? Въ такихъ-то Мышь трудахъ
Разъѣлась такъ, что страхъ!
Короче на порогѣ рая!
Самъ Богъ блюдетъ того,
Работать міру кто отрекся для него.
Однажды передъ ней явилось, воздыхая,
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ;
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ
Противу Кошечья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И Крысополисъ ихъ въ осадѣ ужъ держалъ.
„Всеобща бѣдность и невзгода —

Посольство говоритъ — причиною, что мы
Несемъ пустыя лишь сумы;
Что было съ нами, все проѣли.
А путь еще далекъ! и для того посмѣли
Зайти къ тебѣ, и бить челомъ
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ подаяньемъ."
Затворница на то, съ душевнымъ состраданьемъ,
И лапки положа на грудь своимъ крестомъ:
„Возлюбленны мои!" смиренно отвѣчала,
„Я отъ житейскаго давно уже отстала;
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
Да низпошлетъ вамъ Богъ! а я и день и ночь
Молить его за васъ готова." —
Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова.

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту Мышь?
Монахъ? — Избави Богъ и думать!... Нѣтъ, Дервишъ.

Дмитріевъ.

LXIV.

ВОЛКЪ и ЯГНЕНОКЪ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ:
Тому въ Исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ,
Но мы Исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ, какъ въ Басняхъ говорятъ.

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно-жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: „Какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ!
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву."
— „Когда свѣтлѣйшій Волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть: что ниже по ручью,
Отъ Свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему никакъ я не могу."
— „Поэтому я лгу!
Негодный! слыханал-ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ

Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!"
— „Помилуй, мнѣ еще и отъ-роду нѣтъ году,"
Ягненокъ говоритъ. — „Такъ это былъ твой братъ."
— „Нѣтъ братьевъ у меня." — „Такъ это кумъ иль сватъ,
И словомъ, кто-нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы, и ваши настухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И, если можете, то мнѣ всегда вредите:
Но я съ тобой за нихъ развѣдаюсь грѣхи."
— „Ахъ, я чѣмъ виноватъ?" — „Молчи! усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать."
Сказалъ, и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

Крыловъ.

LXV.

СКВОРЕЦЪ и КУКУШКА.

Скворецъ изъ города, гдѣ въ клѣткѣ онъ сидѣлъ,
На волю улетѣлъ.
Къ нему съ вопросами Кукушка приступила,
И говорила:
„Скажи, пожалуй, мнѣ, что слышалъ ты объ насъ;
И городу каковъ нашъ голосъ показался?
Я думаю, что вѣдь не разъ
Объ этомъ разговоръ случался.
О Соловьѣ какая рѣчь идетъ?“
— На похвалу его и словъ недостаетъ. —
„О Жаворонкѣ что-жъ?“ Кукушка повторяетъ.
— Весь городъ и его не мало похваляетъ. —
„А о Дроздѣ?“
— Да, хвалятъ и его, хотя и не вездѣ. —
„Позволишь ли ты мнѣ,“ Кукушка продолжала:
Тебя еще однимъ вопросомъ утрудить,
И обо мнѣ, мой другъ, что слышалъ ты? спросить:
Весьма-бъ я знать о томъ желала.
И я-таки — пѣвала.“
— А про тебя, когда всю истину сказать,
Нигдѣ ни слова не слыхать.
„Добро!“ Кукушка тутъ сказала:
„Такъ стану же я всѣмъ за это зло платить,
И о себѣ сама все буду говорить.“

Хемницеръ.

LXVI.

СЛОНЪ и МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно, на показъ —
Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ —
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
„Сосѣдка, перестань срамиться,“
Ей шавка говоритъ: „Тебѣ-ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.“
— „Эхъ, эхъ!“ ей Моська отвѣчаетъ:
„Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
„Ай, Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на Слона!“

Крыловъ.

LXVII.

МЕДВѢДЬ-ПЛЯСУНЪ.

Плясать Медвѣдя научили,
И долго на цѣпи водили;
Однако какъ-то онъ ушелъ,
И въ родину назадъ пришелъ.
Медвѣди земляка лишь только-что узнали,
Всѣмъ по лѣсу о немъ, что тутъ онъ, промычали;
И лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ,
Что всякъ другъ другу говорилъ:
„Вѣдь Мишка къ намъ опять явился."
Откуда кто пустился,
И къ Мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгутъ.
Другъ передъ другомъ Мишку тутъ
Встрѣчаютъ,
Поздравляютъ,
Цѣлуютъ, обнимаютъ;
Не знаютъ съ радости, что съ Мишкою начать,
Чѣмъ угостить и какъ принять.
Гдѣ! развѣ торжество такое,
Какое
Ни разсказать,
Ни описать!
И Мишку всѣ кругомъ обстали.
Потомъ просить всѣ Мишку стали,
Чтобъ похожденье онъ свое имъ разсказалъ.
Тутъ все, что только Мишка зналъ,

МЕДВѢДЬ ПЛЯСУНЪ
Плясать медвѣдя научили,
И долго на цѣпи водили;
И каждый силу всю свою употреблялъ,
Чтобъ такъ же проплясать, какъ и плясунъ плясалъ.
И столько Мишку стали гнать,
Что Мишка принужденъ бѣжать
Хемницеръ.

Разсказывать имъ сталъ;
И между прочимъ показалъ,
Какъ на цѣпи плясалъ.
Медвѣди плясуна искусство всѣ хвалили,
Дивилися, превозносили,
И каждый силу всю свою употреблялъ,
Чтобъ такъ же проплясать, какъ и плясунъ плясалъ.
Однако сколько ни старались,
И сколько всѣ ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,
Не только, чтобъ плясать,
Насилу такъ, какъ онъ, могли на лапы встать.
Иной такъ со всѣхъ ногъ тутъ о землю хватился,
Когда плясать было пустился;
А Мишка видя то,
И вдвое умудрился,
И зрителей своихъ поставилъ всѣхъ въ ничто.
Тогда на Мишку напустили,
И ненависть и злость искусство все затмили.
На Мишку окрикъ всѣ: „Прочь, прочь отсель сейчасъ!
Скотина этака, умнѣй быть хочетъ насъ!“
И всѣ на Мишку нападали,
Нигдѣ проходу не давали;
И столько Мишку стали гнать,
Что Мишка принужденъ бѣжать.

Хемницеръ.

LXVIII.

ВОРОНА и КУРИЦА.

Когда Смоленскій Князь,
Противу дерзости искуcствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ,
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися,
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
— „А ты, что-жъ, кумушка, въ дорогу?"
Ей съ возу Курица кричитъ:
„Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ."
— „Мнѣ что до этого за дѣло?"
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: „Я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ, ваши сестры какъ хотятъ;
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ;
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А можетъ-быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!"

Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей —
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься:
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься —
Попался какъ ворона въ супъ!

Крыловъ.

LXIX.

ПАВЛИНЪ, ЩЕГЛЕНОКЪ И ВОРОБЬИ.

Щегленокъ дикій залетѣлъ
На дачу знатнаго, большаго господина,
Въ саду, средь цвѣтника, на кустъ сирени сѣлъ,
На все съ вниманіемъ вокругъ себя смотрѣлъ,
И въ первый разъ увидѣлъ тутъ Павлина.
Поднявъ вверхъ голову, тотъ важно выступалъ,
Не шелъ, а, такъ сказать, едва передвигался,
И лишь съ сиренью поравнялся,
Какъ бы нарочно сталъ
И хвостъ свой распустилъ дугою.
Блеснуло золото съ лазурью, бирюзою;
При солнечныхъ лучахъ то яхонты горятъ,
То изумруды отливаютъ:
Всѣ радужны цвѣты мелькаютъ и блестятъ,
И яркостью своей Щегленка взоръ прельщаютъ.
Отъ удивленья былъ Щегленокъ внѣ себя.
„Позволь спросить тебя,
Сказалъ Синицѣ онъ: голубушка-сестрица!
Какая это птица?"
— Павлинъ. — „Не царь ли это птицъ?"
— Царь, точно царь. Вотъ у него корона.
Красивѣй во сто разъ щеглятъ онъ и синицъ.
Какъ гордо онъ идетъ! Ну, право, всталъ лишь съ трона!
Какая шея, грудь, осанка у него!
А хвостъ!... не видывалъ я лучше ничего.

Но это что? о, боги!
Смотри-ка: у него не хороши вѣдь ноги!"
— Невѣжа! вскрикнули тутъ хоромъ Воробьи:
Чьи ноги, чьи
Дурными называть ты смѣешь?
Павлина? Да всѣхъ птицъ прекраснѣе Павлинъ! —
„Такъ точно; ноги лишь..." — Да что ты разумѣешь?
Увѣрить хочетъ всѣхъ одинъ!
Нѣтъ, братцы, этого снести никакъ не можно!
Павлина нашего ругать Щегленокъ смѣлъ.
Клевать его, клевать. — Щегленокъ улетѣлъ,
И опытомъ узналъ, что никогда не должно
О недостаткахъ птицъ почетныхъ говорить,
А позволяется лишь только ихъ хвалить.

Измайловъ.

LXX.

ПУСТЫННИКЪ и МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную, какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой:
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: „А лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?“
— Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ,
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,

И милому соседушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ,
Въ день жаркій, побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
„Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни:
А я постерегу тебя здѣсь у досугу.“
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ — да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ Муха сѣла —
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А Муха на щекѣ; согналъ, а Муха снова

У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „Молчи жъ, ужъ я тебя, воструху!“
И, у друга на лбу подкарауля Муху,
Что силы есть — хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врознь раздался!
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался!

Крыловъ.

LXXI.

ПѢТУХЪ, КОТЪ И МЫШЕНОКЪ.

О, дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта! —
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ-было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ семьѣ своей.
„Оставя нашу нору,
И перебравшися чрезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
Какъ молодой Мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужъ не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ.
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою!
Другой: нахалъ, крикунъ, теперь лишь будто съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
Какой-то огненнаго цвѣта,
И будто двѣ руки, служащи для полета;
Онъ ими такъ махалъ,
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я, таки не трусъ, а подавай Богъ ноги —
Скорѣе отъ него съ дороги.
Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга!
Въ глазахъ его была написана услуга;

Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе; но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными Мышами."
„А я тебѣ на то скажу,"
Мышонка мать остановила:
„Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиренникъ этотъ... Котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель;
Другой же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель,
Не только отъ него не видимъ мы вреда,
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья."

Дмитріевъ.

LXXII.

СЛОНЪ НА ВОЕВОДСТВѢ.

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ Слонъ.
Хоть, кажется, Слоновъ и умная порода,
Однако же въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ Воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ-умыслу онъ Мухи не обидитъ.
Вотъ добрый Воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ Приказъ:
„Что Волки-де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ."
—„О, плуты!" Слонъ кричитъ: „какое преступленье!
Кто грабить далъ вамъ позволенье?"
А Волки говорятъ: „Помилуй нашъ Отецъ!
Не ты ль намъ къ-зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ Овецъ?
А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы:
Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкуркѣ снять;
Да и того имъ жаль отдать."
„Ну то-то жъ," говоритъ имъ Слонъ: „смотрите!
Неправды я не потерплю ни въ комъ:
По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите;
А больше ихъ не троньте волоскомъ."

Крыловъ.

LXXIII.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ КОНЬ.

Былъ Конь у барина, какихъ бываетъ мало;
Не Конь, а кладъ,
Какъ говорятъ.
Скупаго барина такого не бывало,
И только одного Коня онъ и держалъ,
Который въ домѣ всю работу исправлялъ,
Какую бы и тремъ исправить въ пору было.
Конь сколько могъ служилъ, но время наступило,
Что больше ужъ не въ мочь пришло ему служить.
И по прямому-бъ надлежало,
Изъ благодарности, Коня по смерть кормить;
Но чувства въ баринѣ такого не бывало:
Конь въ тягость сталъ; онъ шлетъ продать.
Но дряхлаго Коня кто станетъ покупать?
Ведутъ его назадъ. „Ну, не хочу я болѣ
(Хозяинъ осердясь сталъ людямъ говорить)
Безпрокаго Коня кормить:
Сгоните въ поле;
Пускай за службу самъ онъ кормится на волѣ.“
И бѣднаго Коня велѣлъ съ двора согнать.
Такого ли Коню за службу воздаянья
Возможно было ожидать?
Въ нашъ вѣкъ хозяинъ пропитанья
Стыдился бы Коню не дать.

Хемницеръ.

LXXIV.

ДВѢ БОЧКИ.

Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая — себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется;
Отъ ней по мостовой и стукотня и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,
Ее заслышавши издалека.
Но какъ та Бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку;
Кто дѣловъ истинно — тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Крыловъ.

LXXV.

КУКУШКА.

Послушайте меня, я не совру,
Кукушка говорила птицамъ:
Чижамъ, Щеглятамъ и Синицамъ:
„Была я далеко, въ большомъ густомъ бору;
Тамъ слышала, чего доселѣ не слыхала,
Какъ Соловей поетъ.
Ужъ не по-нашему! Я хорошо пѣвала,
Да все не то, — такъ сердце и замретъ
Отъ радости, когда во весь онъ голосъ свиснетъ,
А тамъ защелкаетъ, иль тихо пуститъ трель;
Забудешься совсѣмъ, и голова повиснетъ.
Ну что противъ него свирѣль?
Дивилась, право, я дивилась...
Однако же не потаю:
По соловьиному и я пѣть научилась.
Для васъ, извольте, пропою
Точнехонько, какъ онъ — хотите?“
— Пропой, послушаемъ. — „Чуръ не шумѣть, молчите!
Вотъ выше сяду на суку.
Ну, слушайте жъ теперь: куку, куку, куку!

Кукушка хвастуна на память мнѣ приводитъ,
Который классиковъ-поэтовъ переводитъ.

Измайловъ.

LXXVI.

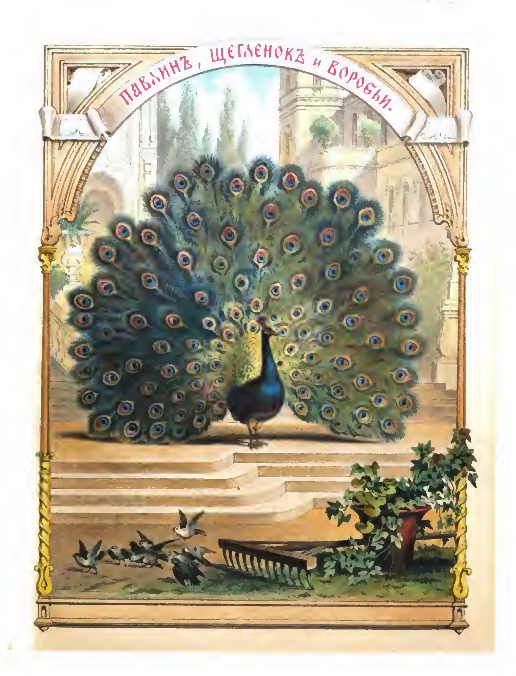
ВОЛКЪ и ПАСТУХИ.

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ
И видя, сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ Барана въ стадѣ.
Спокойно Пастухи Барашка потрошатъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ:
„Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
Когда бы это сдѣлалъ я!“

Крыловъ.

REGIONE LAZIO
ASSESSORATO CULTURA
SOPRINTENDENZA AI BENI LIBRARI

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПАВЛИНЪ, ЩЕГЛЕНОКЪ и ВОРОБЬИ.

Ворона
и
Курица.

